

Ремигиуш Круль

Человек и общество

Man and society

Keywords: *Ortega y Gasset, Man, society, love*

Ортега-и-Гассет, вслед за *Картезианскими медитациями* Эдмунда Гуссерля [Husserl, 1982], связывает определение человека с взаимным сосуществованием людей, или с обществом. Он пишет, что: «Человек не появляется в одиночестве (хотя это его окончательная истина), человек появляется в общественных отношениях как «Второй», общаясь с «Первым»; появляется в качестве того, кто отплачивает взаимностью» [Ortega y Gasset, 444]. Общество, которое определяет человека, является структурой, в которой вновь появляющийся человек видит уже живущего «Другого» человека. Этот «Другой» опережает «Я» во временном значении, а также в структурном значении. Существующее «Я» открывает бытие человеком посредством участия в объединении в качестве «Второго» по отношению к «Первому». Истина о «Я» не исходит от «Другого», так как она постигается в одиночестве. Это «Я» постигает истину о себе только тогда, когда дистанцируется от «Другого». В начальной фазе «Я» открыто для «Другого». Испанский философ пишет об этих отношениях: «появление кого-то «Второго» и «Другого» является

фактом, почти всегда остающимся где-то на фоне жизни, потому, что, когда нас в первый раз охватывает изумление по отношению к собственной жизни, мы уже находимся с другими, среди них, и уже успели привыкнуть к ним. Это ведёт нас к формулированию первого общественного закона: человек *a nativitate* открыт для иного, чем он, на другое существо, иначе говоря: *прежде чем каждый из нас осознает самого себя*, он уже обладает основным опытом, касающимся существования тех, которые не «я», тех «Вторых», и это значит, что Человек, являясь *a nativitate*, открытым для другого, не являющегося им, будет *альтруистом*, нравится это ему или нет. Следует, однако, это выражение, как и всё предложение в целом, понимать в общем смысле, ничего не добавляя, что в нём не сказано. Когда утверждается, что человек *a nativitate*, и, следовательно, всегда, открыт для «Другого», то есть способен на то, чтобы в своих действиях считаться с другим, присутствующим и отличным от себя, то следует учитывать, что в определении не говорится, открыт он позитивно или негативно» [Ortega y Gasset, 446]; [Morón, 1976].

Эугениуш Гурский в своей книге *Хосе Ортега-и-Гассет и кризис испанской идеологии* выделяет три этапа, в которых «Я» постигает самого себя. «Человеческий разум, совершая сложные интеллектуальные операции, выполняет переход от собственной жизни к жизни других. Вначале разум постигает собственную жизнь без особого отличия её от других. Ему кажется, что жизнь остальных людей имеет тот же смысл что и у него, так как он совершает проекцию собственного Я на других. Он верит, что всем людям свойственна одна, неразнообразная форма жизни, то есть, что все мыслят, желают, чувствуют как он. Постепенно человек замечает, что присутствие другой жизни видно ему только в виде симптомов, которые указывают на некоторые свойства, подобные его собственной жизни, но, что важно, также указывают на полностью отличные составляющие, чужие и непонятные. Другой появится тогда человеку как удивительное бытие, нетождественное

собственному Я. Человеческий индивид тогда констатирует, что жизнь может быть непонятной, спрятанной, другой, то есть чужой. Тогда открывается реальность «Другого», а тем ближайшим «Другим» будешь Ты. Именно в присутствии него усиливается осознание своего, исключительного Я. После осознания чужого с его тайнами, человек старается ассимилировать его, пробует создать такое я, которое было бы другим я – *«альтер эго, чем-то одновременно близким и далёким»*. После частичной ассимиляции имеющегося «Другого», собственное Я считает, что он не должен быть обязательно другим, что он может стать собственным Я. На таком убеждении основываются чувства дружбы и любви, которые являются формой ассимиляции я – другой. Это касается только «Других», с которыми человек совместно живёт, современников по отношению к собственному я, в отношении же к «Другим» из прошедших времён нельзя обманываться, что они перестанут быть «Другими»» [Górski, 1982: 69]. Постоянное замечание всё новых и новых отличий, в конце концов, приводит к противопоставлению «Я» и «Другого», как принципиально отличных миров. Поэтому финальным открытием «Я» будет одиночество, которое по Ортеге-и-Гассету содержит окончательную истину о человеке. Кроме того, человек всё-таки не может смириться с «одиночеством», поэтому он часто предпочитает разделить жизнь других людей, чем свою собственную. «Другой человек, как таковой, то есть не только его тело и жесты, но и его «я» и его жизнь являются для меня, как правило, реальностью в той же степени, что и моя жизнь. Это значит, что я проживаю наравне и одновременно свою жизнь в его первоначальной действительности, и жизнь, заключающуюся на проживании *как бы первоначальных* многих действительностей, которые являются ими только во вторую, третью и т.д. очередь. Более я вообще ничего не знаю о моей настоящей жизни, о том, чем она является в своём глубочайшем одиночестве и истине, но в воображении я переживаю предположения, живу среди

интерпретаций действительности, которые придумали и накопили моё окружение и традиция» [Ortega y Gasset, 1982: 435-436]. Бегство от одиночества и проживание экзистенций других людей по существу очень опасно. С одной стороны это грозит инфицированием реальности собственной жизни, а с другой стороны связано с опасностью, просто с риском, так как мы не знаем, как поведёт себя по отношению к нам этот другой человек. «Из глубины отчаянного одиночества, – пишет Ортега-и-Гассет, – каким необратимо является наша жизнь, мы выныриваем с не менее отчаянным желанием товарищества и общества. Каждый хотел бы быть другим, а также, чтобы другие были им. Вся наша жизнь состоит из рьяных попыток прекратить одиночество, которым мы являемся, и слиться в бытии с другими. Наиболее радикальной попыткой бегства от нашего одиночества будет прославленная любовь» [Ortega y Gasset, 1985: 55].

Таким образом, люди обладают внутренним желанием близости, которое делает так, что «Другой» человек становится для них всё ближе, и, наконец, становится «Ты», которое, однако, всё равно представляется иначе от собственного «я». Тогда проявляются границы собственного мира. Не смотря на попытки держаться на расстоянии от своего одиночества, оно, однако, всё равно приходит, приводя к потере монолитного мира, в котором прошло детство. Ортега принимает это следующим способом: другой человек, *ты*, по своей природе опасен и наше общественное отношение всегда в большей или меньшей степени коллизия и борьба, но в этих коллизиях и борьбе с многочисленными *ты* я постепенно открываю свои собственные границы и мой конкретный облик как человека, как я; моё я появляется мне постепенно в течение жизни как туманное уменьшение, сокращение чего-то огромного, рассеянного и без границ, кем я был до этого, кем я был ещё в детстве» [Ortega y Gasset, 1982: 523]; [Pizán, 1971]. Союз, который появляется между «Я» и «Ты» Ортега называет «Мы». Таким образом, речь здесь идёт о реальности, в которой другая личность не обычный человек, а кто-то

особенный, кто-то незаменимый и неповторимый. Ортега-и-Гассет добавляет: ««Ты», то есть единственный человеческий представитель, появляется в кругу, определённом отношением «мы». Ты и я, я и ты воздействуем друг на друга в частых взаимодействиях индивида с индивидом, оба взаимно единственные. Одной из вещей, созданной нами, являющейся наиболее типичной, взаимной и личной, будет речь. А то, о чём мы говорим будут он или они, то есть те, которые не являются нами и не находятся с нами в отношении «мы». Или полностью, или от случая к случаю, он или они являются теми, кто остаётся вне близости, определяющей наше к ним отношение» [Ortega y Gasset, 1982: 451-452]; [Quintela, Luis, 1976]. Похожее определение отношения между «я» и «ты» мы находим у Габриеля Марселя [Marcel, 1987], который в Метафизическом журнале рассматривает отношения «мы» между людьми как единственные неопредмеченные. Этот союз – призыв к «ты» для дополнения и одновременного выхода из себя, для того, чтобы отплатить тем же такому же призыву, который исходит нам от этого «ты». Этот взаимный призыв лиц, с выходом из себя, приводит к образованию такого характерного единства, как «мы».

Идя далее в изучении существующей связи между «я» и «ты», мы приходим в итоге к «любви». Любовь также основывается на «мы», приводя к наиболее точной форме того, что может объединять людей между собой. «Наиболее радикальной попыткой бегства от нашего одиночества будет прославленная любовь. Мы любим другого человека в той степени, в которой, независимо от того, кто мы, хотим быть им, считаться с его существованием, и, в результате, ощущать его бытие как неразрывное с нами, как единое с нашим бытием, и, если бы у нас забрали это бытие, то нам казалось бы, что нас лишили половины нашего бытия, именно той половины, которую мы считаем самой важной» [Ortega y Gasset, 1989: 55].

Ортега-и-Гассет выделяет разные виды любви: любовь между мужчиной и женщиной, материнскую любовь, любовь верующего

человека к Богу, и другие. Однако он отмечает, что существуют три элемента, общие для всех её видов. Это центробежность, стремление к объекту, а также непрерывный и плавный характер. Таким образом, любовь это что-то, что исходит от человека, открывается изнутри его. Из внутреннего океана любви она течёт в определённом направлении, так как направлена к конкретному лицу. Любовь это не что-то мимолётное, так как она поддерживается и основывается на конкретном человеке и его личности. Испанский философ хорошо понимает финал любви, как конец конкретного человека, что не должно означать его смерть. Любовь бессмертна, и это выражается в том, что существует она даже тогда, когда её физический объект умер. Ортега-и-Гассет подводит итог: «Любовь это вечное оживление, творение и целенаправленное сохранение того, что любимо» [Ortega y Gasset, 1989: 18]. Любовь это не иллюзия или же обожествление не существующего идеала; она не сексуальное желание, и не инструмент естественного отбора. Любовь это всегда выбор. Она является глубинным выражением человеческой правдивости и искренности, так как решение, связанное с выбором открывает тем самым внутреннюю суть человека, одновременно раскрывая внутренний идеал: «Тип человеческого создания, которое мы возносим над другими, открывает контуры нашего сердца. Любовь – это волна, которая приходит из глубинных секретов нашего бытия, и она выносит на поверхность жизни раковины и водоросли из внутренней бездны» [Ortega y Gasset, 1989: 77]; [Raley, 1971]; [Ramirez, 1959]. В приведенной метафоре и в психологическом описании любви у Ортеги-и-Гассета в определённой степени слышен «Гимн о любви», написанный святым Павлом в Письме Коринфянам (1 Кор 13,1–13). Оба эти образа представляют некий очень возвышенный идеал, который далёк от повседневной жизни. Любовь не идиллия, она часто требует жертв и посвящения.

Summary

The metaphorical table and a psychological description of love in Ortega y Gasset can be heard to some degree in the "Hymn about love" written by apostle Paul in the Letter to the Corinthians (1 Cor.13,1-13). Both these images are about a very lofty idea which is far away from everyday life. Love is not idyllic, and it often requires sacrifice and devotion.

- [1] Bergler, R. 1976. *Vorurteil – Erkennen, Verstehen, Korrigieren*, Köln.
- [2] Brand, G. 1971. *Die Lebeswelt. Eine Philosophie des konkreten Apriori*, Berlin.
- [3] Górski, E. 1982. *José Ortega y Gasset i kryzys ideologii hiszpańskiej*.
- [4] Husserl, E. 1982. *Medytacje kartezjańskie*, tłum. A. Wajs, Warszawa.
- [5] Marcel, G. 1987. *Dziennik metafizyczny*, tłum. S. Cichowicz, A. Wende, Warszawa.
- [6] Morón, A. 1968. *El sistema de Ortega y Gasset*, Madrid
- [7] Ortega y Gasset, J. 1970. *O krytyce artystycznej – tyt. oryg. Sobre la critica del arte, La dehumanización del arte y otros ensayos esteticos*, Revista de Occidente, Madrid.
- [8] Ortega y Gasset, J. 1989. *Szkice o miłości*, tłum. K. Komyszewa, Warszawa
- [9] Ortega y Gasset, J. 1982. *Człowiek i ludzie*, in: *Bunt mas i inne pisma socjologiczne*.
- [10] Ortega y Gasset, J. 1993. *Wokół Galileusza*.
- [11] Pizán, M. 1973. *Los hegelianos en Espada y otras criticas*.
- [12] Quintela, F. Luis, J. 1976. *Hacia un orteguismo de izquierda*, Madrid.
- [13] Raley, H. O. 1971. *José Ortega y Gasset: Philosopher of European Unity*, The University of Alabama Press.
- [14] Ramirez, S. 1959. *La zona de seguridad*, Salamanca.

